

Образ вещей девы в русской культуре: к вопросу о преемственности традиций

Людмила Александровна Грицай

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация
E-mail: usan82@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию архетипического образа вещей девы в русской культуре, рассматриваемой как носительницы божественной мудрости и источника сакрального знания, сохраняющей преемственность от древнеславянских женских культов до литературы и философии XIX–XXI вв. Гипотеза исследования исходит из того, что вещая дева в русской традиции наделена способностью ведать тайны Бога и предсказывать судьбу, тем самым становясь медиатором между человеческим и божественным. Актуальность исследования определяется необходимостью выявления особенностей русского культурного понимания женской мудрости, ее сакрального измерения, а также значимости этого архетипа для формирования национальной идентичности. Проблематика образа вещей девы затрагивалась в работах С.М. Климовой, В.Н. Кардапольцевой, А.П. Забияко, Б.А. Рыбакова, О.В. Рябова, В.М. Ильиной, Е.Ю. Косяковой и др., однако систематического изучения трансформации архетипа в русской литературе и философии пока не представлено. Методологическую основу исследования составляют культурно-антропологический и архетипический подходы, используется сравнительно-литературный анализ, также в работе применяются методы текстуального анализа источников, используется сопоставление символического ряда и выразительных средств произведений русских поэтов (А.А. Блока и Д.П. Мельникова). Результаты исследования демонстрируют, что образ вещей девы является ключевым элементом русской культуры, обеспечивая преемственность сакрального знания и формируя идеал женской мудрости, органично соединяющий славянско-языческие, православные и литературно-философские традиции.

Ключевые слова: вещая дева, архетип, русская культура, Вечная Женственность, фольклор, литература, символика

Для цитирования: Грицай, Л.А., 2025. Образ вещей девы в русской культуре: к вопросу о преемственности традиций, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 2, № 4, с. 384–392. <https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.4.44>

The Image of the Prophetic Maiden in Russian Culture: Revising the Continuity of Traditions

Lyudmila A. Gritsay

K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: usan82@gmail.com

Abstract. The article examines the image of the prophetic maiden in Russian culture. The image is considered as a unique archetype representing a combination of divine prophecy, foresight and sacred knowledge capable of bridging the human and divine, material and spiritual, past and future. Special attention is paid to distinguishing between the notions of prophetic maiden. While the prophetic possesses practical knowledge and experience, able to manage everyday life and world order, the prophetic maiden knows the secrets of God, predicts destinies and carries sacred knowledge, acting as a mediator between humans and the divine, as shown by the analysis of folklore, literary and philosophical sources. The relevance of the study lies in the need to identify unique features of the Slavic perception of female prophecy, shaped by pagan

© Грицай, Л.А., 2025

maternal cults, Orthodox tradition and literary mythologization of the female image, which is particularly important for understanding the continuity of cultural traditions and national identity formation. The topic of the *prophetic maiden* has been addressed by researchers such as S.M. Klimova, V.N. Kardapol'tseva, A.P. Zabi'yako, B.A. Rybakov, E.V. Ryabov, V.M. Ilyina, among others, but a comprehensive analysis of this archetype in the context of its transformations in 19th–20th century Russian literature and philosophy has not yet been carried out. The methodological framework includes cultural-anthropological approaches, C.G. Jung's archetype theory and comparative literary analysis, allowing for the identification of systemic symbolic elements, thematic motifs, rhythmic and sound structures and expressive means. The used methods include textual analysis of folklore, Old Russian literature, Silver Age poetry, philosophical treatises by Vladimir Solovyov, as well as the comparison of literary and cultural archetypes. The results demonstrate that a prophetic maiden in Russian culture is a unique phenomenon that organically combines pagan, Orthodox and literary heritage, serving as a source of sacred knowledge and shaping the ideal of female prophecy, simultaneously a predictor, protector and nurturer, embodying Eternal Femininity, making it a key element in the continuity of Russia's cultural traditions.

Keywords: prophetic maiden, archetype, Russian culture, Eternal Femininity, folklore, literature, symbolism

For citation: Gritsay, L.A., 2025, The Image of the Prophetic Maiden in Russian Culture: Revising the Continuity of Traditions, *Ufa Humanitarian Journal*, vol 2, no. 4, pp. 384–392. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2025.2.4.44>

Введение

Актуальность исследования образа вещей девы в русской культуре определяется необходимостью осмысления особенностей национальной культурной традиции, в рамках которой женщина выступает как носительница сакрального знания, посредник между человеческим и божественным, формирующий идеалы нравственности, мудрости и духовной гармонии; исходя из этого, изучение данного архетипа позволяет проследить преемственность культурных и философских представлений о женственности, начиная с древнеславянских мифологических представлений о Матери-Земле и женских божествах, через православную сакрализацию Богородицы и до литературной и философской традиции XIX–XXI веков, в которой образ вещей девы можно обнаружить в поэзии А.А. Блока, в философских концепциях В.С. Соловьева, а также в современной российской поэзии.

Образ вещей девы изучался рядом исследователей: С.М. Климова и В.Н. Кардапольцева анализировали феноменологию святости и женственности в русской культуре [Климова, 2004: 90; Кардапольцева, 2005: 55]; А.П. Забияко рассматривал категории святости и особенности архетипического мышления [Забияко, 2000: 66]; Б.А. Рыбаков изучал женские культы древних славян [Рыбаков, 1981: 384–385]; Е.В. Рябов исследовал русскую философию женственности XI–XX вв. [Рябов, 1999: 45].

Целью настоящего исследования является выявление преемственности и трансформации архетипа вещей девы в русской культуре, а также анализ ее функций как источника сакрального знания и идеала духовной женственности. Методологическую основу составляют культурно-антропологический подход, архетипическая теория К.Г. Юнга, а также сравнительно-литературный анализ, позволяющий выявлять символические ряды, тематические мотивы и выразительные средства в литературных, фольклорных и философских источниках.

Материалом для исследования послужили произведения русской литературы, созданные в традиции национальной культуры, в которых отражаются архетипические черты образа вещей девы. Особое внимание уделено двум поэтическим текстам А. Блока и Д. Мельникова, так как литературные источники могут рассматриваться как носители культурной памяти, в которых прослеживается преемственность духовных и эстетических идеалов женственности. Таким образом, анализ литературного материала позволяет выявить закономерности эволюции образа вещей девы и определить его место в системе символов русской культуры.

Основная часть

Архетип вещей девы в русской культуре предстает как уникальный и глубоко символический образ, источник которого непосредственно связан с божественным миром: именно оттуда «вещая дева» черпает способность предвидеть судьбы людей, формируя особую парадигму духовного материнства, выражающуюся во всеобъемлющей любви к человечеству и готовности направлять его путь в согласии с сакральными законами бытия.

По всей видимости, данный архетип восходит к универсальным мифологическим и культурным традициям, где аналогичные функции выполняли римские весталки, античные сивиллы и германоскандинавские валькирии, обеспечивавшие поддержание космического порядка и связь человека с мирозданием, однако в русском культурном контексте архетип вещей девы трансформируется и приобретает национально-специфические черты, выступая прежде всего как образ девушки – носительницы духовного знания и сакральной мудрости, при этом его проявления не ограничиваются рамками фольклорного повествования, но интегрируются в литературные, религиозные и философские традиции [Пропп, 1946; Иванов, Топоров, 1974].

В отличие от западноевропейской традиции, где женщина нередко редуцируется до пассивного объекта мужских устремлений и сюжетной динамики, в русской культуре вещая дева становится активным субъектом действия и носительницей сакральной энергии, способной трансформировать внутренний и социальный мир героя. Это отчетливо проявляется в образах Василисы Премудрой, Царевны-лягушки и Елены Премудрой, выполняющих функции наставниц, проводниц и инициаторов духовного и социального становления персонажей [Пропп, 1946; Народные..., 1984], здесь важнейшей характеристикой героинь становится способность к предвидению, знание тайных божественных смыслов и готовность действовать в соответствии с ними. По мнению В.Я. Проппа, именно это делает такую героиню структурообразующим элементом мифологической композиции, концентрирующим сакральную энергию, необходимую для завершения пути героя [Пропп, 1946: 87–92].

Особое значение архетипа вещей девы подчеркивают исследования Х. Дикмана, указывающего на роль женщины как медиатора между человеком и космосом, а также Ю.С. Степанова, который отмечает, что в литературе Нового времени женский образ одновременно сохраняет традицию и открывает возможности обновления. В свою очередь, Л.В. Левшун подчеркивает, что данный архетип не ограничивается фольклорной сферой, а формирует устойчивые культурные и религиозные доминанты, включая философскую и мистическую рефлексию [Дикман, 1997; Степанов, 2015; Левшун, 2015].

Возникновение архетипа вещей девы в славянской культуре неразрывно связано с синкретическим характером дохристианских верований, в которых женское начало понималось как космогоническая сила, способная обеспечивать баланс между жизнью и смертью, а фигура женщины выступала одновременно как хранительница природного порядка и посредница между человеческим и божественным мирами, что обеспечивало ее уникальный статус носителя мудрости и провидения, наделяя способностью предвидеть судьбы людей и оказывать воздействие на гармонию рода и общины [Иванова, 2014: 9]; именно в этих ранних мифологических представлениях восточных славян, где обнаруживаются прообразы Матери-земли, рождающей и принимающей в себя умерших, закладываются семантические и символические основы будущего архетипа вещей девы.

Отметим, что славянская традиция наделяла женщину способностью обращаться к силам природы, интерпретировать знамения и управлять магическими обрядами, направленными на сохранение гармонии рода и общины, что позволяло воспринимать изучаемый нами архетип не как художественный или бытовой образ, а как механизм культурной памяти, аккумулирующий и передающий знания о правильном устройстве мира и социальной морали. В.М. Ильина и Н. Косякова справедливо отмечают, что «образ премудрой девы в сказках и легендах выступает как собирательный символ женского знания, объединяющего в себе магическую, моральную и социально-нормативную составляющую» [Ильина, Косякова, 2022: 72], что позволяет трактовать данный архетип как функциональный элемент коллективного сознания, обеспечивающий преемственность культурных традиций и сакрального опыта славян.

Показательно, что в процессе христианизации русской культуры архетип вещей девы не исчезает, но трансформируется в образ Богородицы, соединяющей идеи непорочности, жертвенности и премудрости. Именно Богородица становится сакральным центром коллективного сознания, объединяя функции духовной матери, хранительницы космического порядка и проводницы божественных смыслов [Лотман, 1992]. В этом контексте духовное материнство вещей девы проявляется как форма высокой нравственной ответственности за судьбы людей, как всеобъемлющая любовь, направленная на сохранение гармонии и духовного порядка; как справедливо отмечает Л.Б. Сукина, «русская культура XVII в. выстраивает образ женщины в напряжении между Евангельской Евой и Богородицей, но вектор трансформации оказывается направленным в сторону сакрализации женской природы» [Сукина, 2010: 243]. Именно эта особенность отличает русский архетип от западных представлений, в которых образ премудрой девы, как правило, лишен подобной сакральной автономии.

Таким образом, архетип вещей девы в русской культуре предстает значимым элементом национальной идентичности: в нем сосредоточены сакральное знание, духовная мудрость и способность предвидеть и направлять судьбы людей, что позволяет рассматривать данный архетип

как уникальный феномен, интегрирующий мифологические, философские и религиозные смыслы и определяющий своеобразие русской традиции.

Особое значение в данном ключе приобретает трансформация архетипа вещи девы через призму древнерусских источников, в которых отчетливо сохраняются такие характеристики, как сакральное знание, духовное материнство и организующее начало; тем самым вещь дева предстает не только как хранительница рода, но и как активный субъект духовного и социального регулирования общества: это подтверждается в работах Е.А. Митиной и Е.В. Несмачной, указывающих на примере образа княгини Февронии из «Повести о Петре и Февронии Муромских» на «переход от магического знания к христианской мудрости, в которой сохраняется структурная функция женского начала как хранительницы и наставницы» [Митина, Несмачная, 2023: 104].

Анализ языковых и текстуальных характеристик образа Февронии демонстрирует, что «лексика, связанная с ее характеристикой, сочетает эпитеты духовной чистоты и мудрости с элементами повседневной женской заботы и организующего начала» [Шевелева, 2016: 68]. Это позволяет увидеть в архетипической фигуре вещи девы многослойный символ, объединяющий мифологические, христианские и социальные измерения, а также фиксирующий в себе коллективное представление о женской ответственности за судьбы рода и народа, воплощенное в духовно-нравственных ценностях бытия.

Образ княгини Февронии предстает концентрированным выражением архетипа вещи девы: она одновременно соединяет в себе функции хранительницы семьи, прорицательницы и наставницы, что дает основания рассматривать ее как прямое продолжение античных и скандинавских традиций, адаптированных к христианской парадигме русской культуры: неслучайно В.М. Ильина и Е.Ю. Косякова подчеркивают, что Феврония «предстает не только как хранительница семьи и рода, но и как носительница высшей мудрости, способная урегулировать конфликты, даровать исцеление и выступать гарантом стабильности княжеской власти» [Ильина, Косякова, 2022: 73]. Этим подтверждается ее особое положение в системе культурных смыслов.

Важно отметить то, что Феврония воплощает активное начало архетипа: она участвует в судьбе не только отдельного героя, но и всего города, а через него – и народа в целом, при этом ее воздействие осуществляется посредством слова, молитвы и духовного наставничества, а не через оружие или внешнюю силу (как у валькирий или сивилл), в русской традиции на первый план выходит духовное руководство, сохранение чистоты и забота о ближних [Митина, Несмачная, 2023: 103].

Таким образом, обращение к древнерусским источникам, прежде всего к «Повести о Петре и Февронии Муромских», позволяет заключить, что архетип вещи девы в русской культуре функционирует как устойчивый символ сакрального женского знания, объединяющий дохристианскую сакральную традицию с христианским пониманием духовного материнства и организующего начала, а это делает его ключевым элементом культурной преемственности и национальной идентичности [Ильина, Косякова, 2022: 74; Шевелева, 2016: 68; Сукина, 2010: 245].

В русской литературе XIX века наблюдается заметная трансформация образа вещи девы, которая, с одной стороны, продолжает традиции, а с другой – получает новые художественные и философские смысловые оттенки, отражающие специфику эпохи. Например, характерным примером такой трансформации служит образ Татьяны Лариной в романе А.С. Пушкина, которую исследователи справедливо трактуют как апофеоз женственности, воплощающий чистоту, самоотверженность и бесстрашие, находясь, по словам С.М. Климовой, «в автономном от реальности месте, вне аффективного пространства любви и страсти, вне семьи и „живой жизни“» [Климова, 2004: 119–120], что позволяет увидеть в пушкинской героине не столько конкретную женщину, сколько культурный архетип, призванный закреплять в русской ментальной традиции идею святости женственности.

Впоследствии этот идеал получает дальнейшее развитие в произведениях И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, где литературные героини выступают не просто как личности, но как выразители мифологемы женственности: высоконравственные «тургеневские девушки» готовы пойти на подвиг ради других людей, Сонечка Мармеладова у Достоевского помогает спасти заблудшую душу Раскольникову, воплощая идеал женской святости и жертвенности [Рогоза, Гутова, 2010: 167].

Возрождение и философское осмысление этого идеала в конце XIX – начале XX века связывается с творчеством Вл. Соловьева, для которого женственность выступает как одна из основных мировых энергий, интегрирующая человека, природу и космос, а образ Софии-Премудрости становится центром новой картины мира, в которой объединяются религиозные и философские традиции: «Женственность как одна из основных индивидуализированных субстанций, мировых энергий входит в жизнь человека, природы, космоса, Бога» [Богин, 2003: 406], именно этот синтез предопределяет эстетическую и философскую доминанту Серебряного века, где архетип вещи девы, соединяющий в себе духовное материнство, заботу, служение и пророческий дар, получает дальнейшее художественное развитие в

поэзии символистов, в частности А. Блока, продолжая традицию идеализации женского начала, столь характерную для русской культуры.

Таким образом, русская литература XIX – начала XX века демонстрирует постепенную трансформацию образа вещи девы от религиозно-мифологического архетипа к эстетизированной модели женственности, которая, оставаясь носителем традиционных ценностей материнства и мудрости, получает новые философские, психологические и художественные смысловые измерения, закладывая основу для формирования символистской поэтики Серебряного века и дальнейшей рецепции архетипа в русской культуре.

Все вышесказанное позволяет нам провести сравнительный анализ двух произведений русской культуры: известного стихотворения А.А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905) и произведения современного поэта Д.П. Мельникова «Вата переходит в дым» (2014), написанного по мотивам событий первых месяцев войны на Донбассе.

Сравнительный анализ данных стихотворений позволяет проследить преемственность и трансформацию образа вещи девы в русской литературной традиции, демонстрируя, как этот архетип адаптируется к социальным и историческим обстоятельствам разных эпох, сохраняя религиозно-философский символический смысл.

Сопоставим тексты данных стихотворений.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели. (А. Блок)

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Вата переходит в дым,
в дым над белой хатой.
Улыбаются живым
дети и солдаты.

Как инверсионный след,
как в груди осколок,
вата переходит в свет,
переходит в холод.

Улетает налегке,
дарит нам прощенье,
лишь у девочки в руке
красное печенье. (Д. Мельников)

Эти стихотворения написаны во времена тяжелых испытаний для России: стихотворение Блока создано после кровавых событий революции 1905 года и поражения России в русско-японской войне, что накладывает на произведение трагический фон национального горя; стихотворение Мельникова возникает после госпереворота на Украине и начала конфликта на Донбассе, фиксируя современный контекст коллективного страдания.

Центральным элементом обоих стихотворений является образ девы (девочки), чистой и непорочной, молящейся за людей и одновременно обладающей даром предвидения, что позволяет ей созерцать неизбежность судьбы и будущие страдания людей.

В произведении Блока эта дева предстает как молящаяся в церкви героиня, чей голос, «летающий в купол», и белое платье символизируют невинность, духовное сияние и гармонию с божественным, при этом строка «причастный Тайнам, – плакал ребенок» указывает на понимание неизбежности смерти и трагической участи людей, тем самым создавая образ вещи девы как пророчицы, обладающей мистическим знанием. В стихотворении Мельникова аналогичная функция возлагается на девочку с «красным печеньем», где красный цвет становится символом грядущих страданий, предвещающих долгую и тяжелую войну, а сама девочка, держащая печенье, предстает как носительница тайны, осознающая приближение испытаний, что делает ее функционально сопоставимой с блоковской девой как вещи провидицей.

При сравнении символического ряда обоих поэтических текстов можно выделить несколько критериев: во-первых, образ вещи девы и ее ассоциации с чистотой, духовной непорочностью; во-вторых, мотив будущих страданий и неизбежного суда, воспринимаемых девой как тайну, известную лишь избранным; в-третьих, связь с религиозной и христианской символикой – в обоих произведениях женский образ апеллирует к архетипу женственности, выражая идею духовной защиты и молитвы за мир. В блоковском стихотворении это проявляется через церковный контекст, «голос, летающий в купол», луч, белое платье – визуальные и звуковые метафоры сакрального света и чистоты, тогда как у Мельникова ключевым образом становится красное печенье в руках девочки – символ грядущих испытаний и боли.

Что касается ритма и размера, стихотворение Блока строится на чередовании длинных и средних строк с регулярной метрической структурой, создающей ощущение медитативного, возвышенного звучания, которое подчеркивает церковно-сакральный характер текста, тогда как стихотворение Мельникова обладает более свободной формой, фрагментарным ритмом и инверсиями («как в груди осколок»), что передает тревогу и фрагментарность современного опыта войны, сохраняя при этом поэтическую символику и эмоциональный заряд.

В образно-идеологическом плане оба произведения объединяет представление девы как носительницы духовного знания: она одновременно сохраняет чистоту и непорочность, является посредником между человечеством и божественным, а также символически предупреждает о грядущих страданиях, выполняя функцию духовного ориентира для читателя; при этом Блок создает более архетипический, универсальный образ, погруженный в религиозно-философскую традицию начала XX века, а Мельников – современную интерпретацию, где сакральная функция девы сохраняется, но обрамляется контекстом конкретной исторической и политической трагедии (таблица).

Таблица. Сопоставительный анализ стихотворений А. Блока и Д. Мельникова
Table. Comparative Analysis of the Poems by A. Blok and D. Melnikov

<i>Критерий</i>	Александр Блок «Девушка пела в церковном хоре»	Дмитрий Мельников «Вата переходит в дым»
<i>Год написания</i>	1905	2014
<i>Исторический контекст</i>	Подавление революционных выступлений, поражение России в русско-японской войне	Евромайдан, госпереворот на Украине, начало конфликта на Донбассе
<i>Образ женщины</i>	Вещая, чистая, непорочная девушка, поющая в церковном хоре	Девочка с красным печеньем, олицетворяющая смерть и символ грядущих страданий
<i>Символика</i>	Белое платье, луч света, купол церкви, причастие к тайнам	Красное печенье, вата, дым, белая хата
<i>Христианский мотив</i>	Молитва за людей, чистота и непорочность, вечная женственность	Вечная женственность, знание божественных тайн, предупреждение о страданиях
<i>Мотив времени страданий</i>	Ребенок «плачет о том, что никто не придет назад»	Красное печенье у девочки символизирует будущие страдания
<i>Идея / концепт</i>	Осознание неминуемых потерь, предчувствие трагедии	Предчувствие трагедии, прощение и хрупкость мира
<i>Выразительные средства</i>	Метафоры (луч, белое платье), символизм, аллитерации	Метафоры (вата, дым), инверсия, символика цвета, контраст свет/темнота
<i>Вещные качества героини</i>	Причастие к тайнам, знание судьбы, понимание скорой утраты	Девочка знает тайну, предупреждает о страданиях, пророческий мотив

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что оба стихотворения, несмотря на разницу эпох и исторических обстоятельств, используют единый символический ряд, основанный на христианской и народной традиции женственности, и демонстрируют устойчивость архетипа вещи девы как носителя чистоты, непорочности, духовного прозрения и пророческого знания, одновременно фиксируя трагический характер исторических событий и предвещая страдания России.

Заключение

Анализ изученных источников демонстрирует, что образ вещи девы в русской культуре выполняет сложную и многоплановую функцию, объединяя в себе элементы языческих, православных и литературно-философских традиций, при этом вещая дева выступает носителем сакрального знания, предвидящей судьбы и соединяющей человеческое с божественным.

Выявлено, что в славянской и русской традиции вещая дева является символом женственности, проявляющейся через духовную непорочность, способность к состраданию и жертвенности, и одновременно функционирует как предвестница судьбоносных событий и хранительница тайны, что отражено в фольклорных, литературных и философских текстах.

Сопоставление источников показывает преемственность этого архетипа: от славянских берегинь и христианского понимания духовной миссии Богородицы до литературных образов XIX–XX веков и философской концепции Вл. Соловьева, что свидетельствует о непрерывной трансформации и сохранении символической силы образа вещи девы как источника духовной мудрости.

В результате исследования можно заключить, что образ вещи девы в русской культуре не только выполняет функцию духовного ориентира, но и служит культурным медиатором, обеспечивающим преемственность и устойчивость понимания традиции женской мудрости, формируя образ женщины как хранительницы тайны, источника спасения, что подтверждает ее фундаментальное значение для национальной идентичности и исторической самобытности.

Список литературы

- Богин, И., 2003. *Вечная Женственность*. СПб.: Алетейя, 488 с.
- Дикмани, Х., 2015. *Юнгианский анализ волшебных сказок. Сказание и иносказание*. Пер. Г.Л. Дроздецкой, В.В. Зеленского; под общ. ред. В.В. Зеленского. СПб.: Академический проект, 44 с.
- Забияко, А.П., 2000. *Категории святости. Сравнительное исследование лингво-религиозных традиций*. М., 205 с.
- Иванов, В.В., Топоров, В.Н., 1974. *Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов*. М.: Издательство «Наука», 342 с.
- Иванова, И.И., 2014. Женщина как символ мудрости в западной, восточной и русской ментальной традиции: культурно-антропологическая компаративистика, *Человек. Культура. Образование*. № 2 (12), с. 6–24.
- Ильина, В.М., Косякова, Е.Ю., 2022. Образ «мудрой девы» в волшебных сказках русского народа и «Повести о Петре и Февронии Муромских», *Gaudeamus*, Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, с. 71–75.
- Кардапольцева, В.Н., 2005. *Женщина и женственность в русской культуре*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 432 с.
- Климова, С.М., 2004. *Феноменология святости и страстности в русской философии культуры*. СПб.: Алетейя, 329 с.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. Т. I*, 1984. Изд. подгот. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 511 с.
- Левшун, Л.В., 2015. *История восточнославянского книжного слова XI–XVI вв.* Минск: Экономпресс, 245 с.
- Лотман, Ю.М., 2000. *Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992)*. СПб.: Искусство, 704 с.
- Митина, Е.А., Несмачная, Е.В., 2021. Образы княгини Ольги и Февронии Муромской как образы «мудрой девы», *Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: материалы XII Нац. науч.-практ. конф.*, Брянск: РИСО БГУ, с. 101–105.
- Пропп, В.Я., 1946. *Исторические корни волшебной сказки*. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 340 с.
- Рогоза, Н.В., Гутова, С.Г., 2010. Мифологизация образа женственности как основание русской культуры, *Молодой ученый*, № 3 (14), с. 165–171.
- Рыбаков, Б.А., 1981. *Язычество древних славян*. М.: Академия наук СССР, 608 с.
- Рябов, О.В., 1999. *Русская философия женственности (XI–XX вв.)*. Иваново: Юнона, 360 с.
- Степанов, Ю.С., 2015. *Константы: словарь русской культуры*. М.: Академический проект, с. 170.

Сукина, Л.Б., 2010. Между Евой и Богородицей: женские образы в русской культуре XVII в., *Ежегодник историко-антропологических исследований*. М., с. 239–250.

Шевелева, О.Е., 2016. Языковой образ княгини Февронии Муромской как образец женской мудрости, *Язык: история и современность: Сборник статей по материалам студенческой межвуз. конф.*, Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, с. 67–69.

References

- Bogin, I., 2003, *Eternal Femininity*. Aletejya, St. Petersburg, 488 p. (In Russ.)
- Dickmani, Kh., 2015, *Jungian Analysis of Fairy Tales: Narrative and Allegory*. Trans. G.L. Drozdetskaya, V.V. Zelensky; ed. V.V. Zelensky. Akademicheskij proekt, St. Petersburg, 44 p. (In Russ.)
- Zabiyako, A.P., 2000, *Categories of Holiness: A Comparative Study of Linguistic and Religious Traditions*. Moscow, 205 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.V., Toporov, V.N., 1974, *Studies in Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues of Text Reconstruction*. Ed. I.I. Revzin. USSR Academy of Sciences, Inst. of Slavic and Balkan Studies. Nauka, Moscow, 342 p. (In Russ.)
- Ivanova, I.I., 2014, Woman as a Symbol of Wisdom in Western, Eastern and Russian Mental Traditions: Cultural-Anthropological Comparative Study, *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie (Human. Culture. Education)*, no. 2(12), pp. 6–24. (In Russ.)
- Ilina, V.M., Kosyakova, E. Yu., 2022, “The Image of the “Wise Maiden” in Russian Folk Fairy Tales and “The Tale of Peter and Fevronia of Murom”, *Gaudeamus, Chuvashskij gos. ped. un-t im. I.YA. Yakovleva, Cheboksary*, pp. 71–75. (In Russ.)
- Kardapol'tseva, V.N., 2005, *Woman and Femininity in Russian Culture*. Izd-vo Ural. gos. un-ta, Yekaterinburg, 432 p. (In Russ.)
- Klimova, S.M., 2004, *Phenomenology of Holiness and Passion in Russian Philosophy of Culture*. Aletejya, St. Petersburg, 329 p. (In Russ.)
- Russian folk tales by A.N. Afanasyev, In 3 volumes. Vol. I*, 1984. Prepared by L.G. Barag and N.V. Novikov; Responsible editors E.V. Pomerantseva, K.V. Chistov. Nauka, Moscow, 511 p. (In Russ.)
- Levshun, L.V., 2015, *History of the East Slavic Written Word, 11th–16th Centuries*. Ekonompress, Minsk, 245 p. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M., 2000, *Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles, Studies, Notes (1968–1992)*. Iskusstvo, St. Petersburg, 704 p. (In Russ.)
- Mitina, E.A., Nesmachnaya, E.V., 2023, Images of Princess Olga and Fevronia of Murom as Images of “Wise Maidens”, *Aktual'nye problemy sovremennoi gumanitarnoi nauki: Materials of XII National Scientific-Practical Conference*, RISO BGU, Bryansk, pp. 101–105. (In Russ.)
- Propp, V.Ya., 1946, *Historical Roots of the Fairy Tale*. Izd-vo Leningr. gos. ordena Lenina un-ta, Leningrad, (now St. Petersburg). (In Russ.)
- Rogoza, N.V., Gutova, S.G., 2010, Mythologization of the Image of Femininity as a Foundation of Russian Culture, *Young scientist*, no. 3(14), pp. 165–171. (In Russ.)
- Rybakov, B.A., 1981, *Paganism of Ancient Slavs*. Akademiya nauk SSSR, Moscow, 608 p. (In Russ.)
- Ryabov, O.V., 1999, *Russian Philosophy of Femininity (11th–20th Centuries)*. Yunona, Ivanovo, 360 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S., 2015, *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Akademicheskij proekt, Moscow, 170 p. (In Russ.)
- Sukina, L.B., 2010, Between Eve and the Virgin: Female Images in 17th Century Russian Culture, *Yearbook of Historical and Anthropological Research*, Moscow, pp. 239–250. (In Russ.)
- Sheveleva, O.E. 2016, The Linguistic Image of Princess Fevronia of Murom as a Model of Female Wisdom, *Language: history and modernity: Collection of articles based on materials from the student inter-university conf.*, Nizhegorodsky gosudarstvenny pedagogicheskij universitet im. K. Minina, Nizhny Novgorod, pp. 67–69. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для оформления списка литературы и проверки орфографии и пунктуации рукописи статьи автор использовал технологии искусственного интеллекта сервиса «Дзен».

Disclosure Statement

The author used the Dzen service's artificial intelligence technologies to form the list of references and check the spelling and punctuation of the article's manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторе

Людмила Александровна Грицай, доктор педагогических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Российская Федерация; <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>; e-mail: usan82@gmail.com

Information About the Author

Lyudmila A. Gritsai, Dr. Sc. (Education), Associate Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation; <https://orcid.org/0000-0002-3156-4074>; e-mail: usan82@gmail.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 24.08.2025

Одобрена после рецензирования / Approved 29.10.2025

Принята к публикации / Accepted 24.11.2025